

Некоторые проблемы аналитической эпистемологии

В аналитической философии *теория познания* всегда занимала особое и даже привилегированное положение, будучи одной из тех немногих философских дисциплин, сама правомерность принадлежности которой к философии практически никогда не ставилась здесь под сомнение. Изучение человеческого познания, его предпосылок, природы и границ¹ традиционно считалось и считается важнейшей задачей аналитико-философского исследования.

Обычно познание понимается как процесс приобретения *знаний*, то есть как процесс, в ходе которого происходит переход от незнания к знанию. Интересно отметить, что принятый в англоязычной философской литературе термин *эпистемология* чаще всего истолковывается именно как *теория знания* (theory of knowledge), что вполне соответствует той центральной роли, которую категория знания играет в подавляющем большинстве концепций аналитической эпистемологии. Такие проблемы как: что такое знание; как мы приобретаем знание; чем знание отличается от «простого мнения»; до каких пределов мы можем полагаться на знание других людей; что мы можем противопоставить характерному для скептицизма отрицанию возможности знания — занимают подобающее место в исследованиях по аналитической теории познания.

В современной аналитической философии сформулировано большое число различных эпистемологических теорий. Эти теории часто расходятся между собой по тем или иным конкретным вопросам содержательного характера. Тем не менее, всех их объединяет специфический «аналитико-философский» стиль или форма философствования, для которых характерным является, во-первых, рассмотрение любых философских проблем прежде всего через призму анализа языка («лингвистический поворот»), во-вторых, активное задействование определенной технической терминологии и, в-третьих, высокий уровень требовательности (принимаемых стандартов) по отношению к доказательности и аргументированности выдвигаемых положений. Кроме того, в значительной степени единой остается предметная область аналити-

¹ Ср.: Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М: Институт общегуманитарных исследований, 2001.

ческих эпистемологических исследований, с ее концентрацией на знании и проблеме его обоснования. Типичной в этом отношении является эпистемологическая концепция, представленная в работе Бертрانا Рассела «Проблемы философии» (1902)².

1. Бертран Рассел: знание вещей и знание истин

В теории познания Рассела важную роль играет различие между двумя видами знания: *знанием вещей* и *знанием истин*. Эти виды соответствуют двум разным смыслам, в которых вообще может использоваться слово «знать». Прежде всего, оно применяется в том смысле, в котором мы знаем «данные, поставляемые нашими органами чувств». Другой возможный смысл относится к нашим мнениям или убеждениям, к тому, что, согласно Расселу, называется *суждениями* (judgements).³

Рассел подробно останавливается на знании вещей, выделяя в нем два типа: знание *по знакомству* и знание *по описанию*. Он подчеркивает, что знание вещей по знакомству значительно проще любого знания истины и логически независимо от него. Знание вещей по описанию, наоборот, всегда включает в качестве источника и основы определенное знание истины. С какого же рода «вещами» возможно непосредственное знакомство, не нуждающееся ни в каком логическом выводе или предварительном суждении? Согласно Расселу, прежде всего, это — данные наших органов чувств. Например, сидя за письменным столом, мы непосредственно воспринимаем его цвет, форму, твердость, гладкость и т. п., и именно эти чувственные данные, составляющие в совокупности воспринимаемый нами *образ стола*, и суть те «вещи», с которыми мы непосредственно знакомы. Это, однако, вовсе не означает, что тем самым мы получаем непосредственное знакомство со столом *как с физическим объектом!* Наоборот, знание стола как физического объекта Рассел характеризует как типичный случай знания по описанию. Описание имеет тут примерно следующий вид: «Стол есть физический объект, который вызывает такие-то и такие-то ощущения», то есть мы имеем описание стола *посредством* чувственных данных. Здесь мысль Рассела движется вполне в русле классической феноменалистской традиции британского эмпиризма. Впрочем, Рассел не останавливается на этом, считая, что адекватный анализ нашего знания невозможен, если наряду с чувственными данными не учитывать некоторые другие виды вещей, с которыми также возможно непосредственное знакомство.

Первое, что необходимо добавить к знакомству с нашими непосредственными чувственными данными — это знакомство *по памяти*, то есть, знакомство с теми данными наших органов чувств, которые мы в настоящее время непосредственно не воспринимаем, но которые сохранились в нашей памяти. Этот вид знакомства делает возможным наше знание о прошлом. В качестве следующего добавления Рассел рассматривает так называемое знакомство *по интроспекции*, или самосознание, являющееся источником знания об *отдельных состояниях* нашего сознания. Мы не только видим солнце, мы осознаем

² Russell B. The Problems of Philosophy. New York — Oxford, Oxford University Press, 1997.

³ *Ibid.* — P. 44.

наше «видение солнца», мы не только хотим есть, мы осознаем наше «желание есть». По Расселу, это «видение солнца» и «желание есть» выступают в качестве особых объектов, с которыми мы также оказываемся непосредственно знакомы. Здесь важно иметь в виду, что самосознание вовсе не тождественно сознанию *себя в целом*, то есть сознанию собственного Я. Иными словами, знакомство с содержанием нашего сознания еще не означает непосредственного знакомства с собственной личностью.

Когда мы пытаемся всмотреться в самих себя, мы, по-видимому, всегда наталкиваемся на некоторые отдельные мысли и чувства, а не на «Я», которое имеет мысли и чувства.⁴

В этой связи Рассел ставит следующий вопрос: можно ли утверждать, что кроме отдельных состояний нашего сознания, мы непосредственно знакомы также и с нашим Я? Ответ самого Рассела на этот вопрос звучит достаточно осторожно: хотя *возможность* непосредственного знакомства с нашим Я кажется весьма правдоподобной, все же нельзя однозначно утверждать, что такое знакомство несомненно имеет место. Колебания Рассела станут понятны, если ознакомиться с возможными доводами, которые он выдвигает в пользу такого рода знакомства. По существу, следует признать, что эти доводы выглядят не слишком убедительно. Рассел пишет:

Мы знаем истину «Я знаком с такими-то чувственными данными». Трудно видеть, как бы мы могли знать эту истину, или даже понимать, что здесь имеется в виду, если бы мы не были знакомы с чем-то, что мы зовем «Я».⁵

Возражение, которое здесь можно выдвинуть, заключается в следующем. Не вполне ясно, почему суждение о собственном знакомстве с чем-то обязательно должно включать в качестве непосредственных конституент только «вещи», с которыми мы должны быть знакомы. К примеру, мы знаем истину «Юлий Цезарь был знаком с Марком Антонием». Однако, как Юлия Цезаря, так и Марка Антония мы знаем только по описанию. Так что, вполне можно себе представить, что и в суждениях о том, что Я знаком с тем-то и тем-то, некоторые из таких конституент (например, «Я») известны нам именно по описанию (примерно того же типа, который мы имели в случае со столом): «Я — это духовный объект, который обладает сознанием таких-то и таких-то чувственных данных».

Рассел не ограничивает область предметов, о которых возможно знание по знакомству, только «конкретными существующими вещами». Он утверждает, что кроме таких вещей мы также можем иметь непосредственное знакомство с *универсалиями*, то есть, общими идеями, такими как «белизна», «различие», «братство» и т. д. Здесь проявляется своеобразный платонизм Рассела, достаточно последовательно проводимый им в книге «Проблемы философии». Правда расселовское обоснование возможности знания-знакомства универсалий вызывает определенные вопросы. Прежде всего, Рассел рассматривает универсалии, которые он называет «ощущаемые качества», такие

⁴ *Ibid.* — P. 50.

⁵ *Ibid.* — P. 51.

как цвет, вкус и т. п. и говорит, что эти качества «проявляются» (are exemplified) в чувственных данных. Здесь, конечно, легко возразить, что чувственные данные знакомят нас каждый раз с каким-нибудь *конкретным* проявлением того или иного «качества» (цвета, вкуса и т. п.) а не с универсалией самой по себе. Рассел и сам отмечает, что, например, когда мы видим какое-нибудь белое пятно, мы всегда знакомимся с конкретным пятном. Но — продолжает он — после многократного наблюдения различных белых пятен, мы легко научаемся выделять посредством абстракции («абстрагировать») общую им всем белизну и, тем самым, знакомимся с белизной самой по себе.⁶ К сожалению, Рассел не останавливается на вопросе о природе этого абстрагирования, и это существенно ослабляет его аргументацию. Ведь если предположить, что такое абстрагирование представляет собой особого рода *логическую процедуру*, то очевидным становится опосредованный характер полученного таким образом знания белизны. А значит, перед нами — типичный случай знания по описанию («белизна — это понятие, являющееся результатом такой-то и такой-то операции абстрагирования»). То же самое возражение можно выдвинуть и против расселовского обоснования знания-знакомства пространственно-временных отношений и отношения сходства.

Согласно Расселу, физические объекты как таковые, равно как и сознание других людей не принадлежат к тем предметам, которые могут быть известны нам через непосредственное знакомство.⁷ Знание о такого рода предметах возможно только по описанию. Под описанием (дескрипцией) Рассел подразумевает фразу вида «такой-то и такой-то», различая при этом определенную и неопределенную дескрипции (выражаемые в английском языке при помощи определенного и неопределенного артиклей соответственно). Подробно свою теорию дескрипций Рассел развил в классической статье «Об обозначении» (1905), где, в частности, рассмотрел, каким образом могут быть осмысленно эксплицированы выражения, у которых отсутствует предметное значение (такие как «нынешний король Франции»). Расселовская теория дескрипций хорошо известна. Здесь мы лишь отметим, что важность знания по описанию обусловлена тем, что оно открывает возможность выхода за пределы личного опыта. Впрочем, любое описание должно быть в принципе устранимо, что находит выражение в следующем фундаментальном принципе, принимаемом Расселом:

Каждое высказывание, которое мы можем понять, должно состоять полностью из конститuent, с которыми мы знакомы.⁸

Этот редукционистский принцип, утверждающий сводимость любого знания, в конечном счете, к знанию по знакомству, объясняет, между прочим, почему Рассел должен был допустить возможность непосредственного знакомства с универсалиями — ведь любое высказывание обязательно содержит хотя бы один термин, представляющий общее понятие. Следовательно, без возможности знакомства с универсалиями полная сводимость к знанию по знакомству оказалась бы просто невозможной.

⁶ *Ibid.* — P. 101.

⁷ *Ibid.* — P. 52.

⁸ *Ibid.* — P. 58.

Переходя теперь к знанию истин, прежде всего следует отметить, что в отличие от знания вещей, здесь мы сталкиваемся с совершенно новой проблемой – проблемой возможной *ошибочности* того, что мы можем принимать за знание. Теория истины Рассела, являясь по существу корреспондентной,

(1) допускает, что истина имеет свою противоположность, а именно, ложь, (2) делает истину свойством убеждений, но (3) делает это свойство полностью зависимым от отношения убеждений к внешним вещам.⁹

Развивая свою теорию истины, Рассел задействует понятие *факта* (превратившееся затем в центральное понятие его философии логического атомизма). Убеждение истинно, если ему соответствует некоторый факт, и ложно, если соответствующего факта нет. Вообще, с точки зрения позднейшей терминологии, более адекватным было бы называть этот вид знания именно «знанием фактов». Ведь знание, как правило, истолковывается как нечто, относящееся ко внеязыковой действительности (или действительности, выходящей за пределы сознания). В свою очередь, действительность («мир») – согласно философии логического атомизма – есть не что иное, как совокупность фактов, каждый из которых представляет собой особую конфигурацию предметов («вещей»). Таким образом, если наше убеждение истинно, то это как раз означает, что мы знаем соответствующий факт. Однако в «Проблемах философии» Рассел предпочитает вести речь именно о знании истин, так что вопрос о взаимоотношении терминов «истина», «факт», «пропозиция», «суждение» в их отношении к знанию, оставляет здесь впечатление некоторой непроясненности.

Подводя итоги своему исследованию видов знания, Рассел пишет:

Мы можем теперь осуществить обзор источников нашего знания, в том порядке, как они появлялись в ходе нашего анализа. Прежде всего мы должны различать знание вещей и знание истин. Каждое из них имеет два вида, один непосредственный, а другой производный. Наше непосредственное знание вещей, которое мы назвали *знакомством*, бывает двух типов, в зависимости от того, является ли известная вещь конкретным предметом или универсалией. Среди конкретных предметов мы имеем знакомство с чувственными данными и (вероятно) с самими собой. Для универсалий, по-видимому, не существует принципа, по которому мы можем решить, какие из них могут быть известны по знакомству, однако ясно, что к числу тех, которые могут быть известны таким образом, относятся ощущаемые качества, пространственно-временные отношения, отношение сходства и определенные абстрактные логические универсалии. Наше производное знание вещей, которое мы называем знанием по *описанию*, всегда включает как знакомство с чем-то, так и знание *истины*. Наше непосредственное знание истины может быть названо *интуитивным* знанием, и известные таким образом истины могут быть названы *самоочевидными* истинами. Такие истины включают те, которые только утверждают, что дано в ощущениях, а также определенные абстрактные логические и арифметические принципы и (хотя и с меньшей долей уверенности) некоторые этические высказывания. Наше производное знание истины состоит из всего того, что мы можем вывести из самоочевидных истин, используя самоочевидные принципы дедукции.¹⁰

⁹ *Ibid.* – P. 123.

¹⁰ *Ibid.* – P. 109.

Осуществленное Расселом различие между знанием вещей и знанием истин (знанием фактов) является в настоящее время общепринятым и соответствует характерному для многих аналитических эпистемологических концепций делению знания на предметное (предикативное) и пропозициональное знание. Кроме того, иногда еще выделяют и так называемое практическое знание, как практическое умение что-либо делать. Следует, однако, отметить, что предикативное и практическое знание обычно трактуются в аналитической философии как подчиненные или вспомогательные виды. В качестве основного вида знания, знания в собственном смысле, рассматривается именно *пропозициональное знание*, то есть знание о том, что имеет место тот или иной факт. К анализу пропозиционального знания мы сейчас и переходим.

2. Знание и мнение. Проблема обоснованности знания

Содержание пропозиционального знания обычно выражается посредством некоторого высказывания. Другой характерной особенностью такого рода знания является то, что оно представляет собой функцию человеческих *убеждений*. Например, если некто *знает*, что Земля вращается вокруг Солнца, то он должен быть в этом убежден, то есть он должен по крайней мере считать, или полагать, что Земля вращается вокруг Солнца. Здесь важно иметь в виду, что используемый в англоязычной философской литературе аналитического направления термин «*belief*» не имеет однозначного русского эквивалента. Его можно перевести и как «мнение», и как «вера», и как «убеждение». Наиболее близким по значению является термин «убеждение», истолковываемый при этом максимально нейтрально, без какой-либо эмоционально-психологической нагруженности. В этом смысле «Х убежден, что А» следует понимать просто как «Х считает, что А», или «Х полагает, что А», или «по мнению Х, имеет место А». Именно в этом значении и будет в дальнейшем использоваться термин «убеждение» и его возможные эквиваленты. Вообще в современной аналитической эпистемологии категории убеждения (мнения) уделяется достаточно большое внимание. Многие исследователи отмечают, что теория познания не может ограничиться лишь анализом феномена собственно знания. Необходимо учитывать гораздо более широкий класс «пропозициональных установок», среди которых убеждения занимают далеко не последнее место.

К важнейшим характеристиками наших убеждений относят их *интенциональность* и *репрезентативность*. Убеждения всегда суть убеждения *в чем-то* (или о чем-то), они призваны выполнять функцию представления некоторой реальности и обеспечивать ориентацию человека в мире. Благодаря своей репрезентирующей роли, убеждения могут иметь истинностное значение. Если наши убеждения некорректно представляют ту реальность, которую призваны репрезентировать, они являются ложными, если же убеждения адекватно представляют мир, то они являются истинными.

Традиция анализа знания через его сопоставление с категорией убеждения имеет давнюю историю и восходит по крайней мере к диалогам Платона «Менон» и «Тэтет». Как хорошо известно, в диалоге «Тэтет» критически анализируются три различные определения знания: (1) знание как чувственное восприятие; (2) знание как правильное мнение и (3) знание как правиль-

ное мнение с объяснением. И хотя Платон последовательно отвергает каждое из этих определений, сам подход к рассмотрению знания через его противопоставление убеждению, мнению или вере укоренился в философии и стал классическим. Эта классическая традиция получила дальнейшее развитие в аналитической эпистемологии, где в качестве одной из центральных задач всегда считалось нахождение адекватного определения категории знания. Ее решение должно дать нам ответ на вопрос, что такое знание, или что значит «знать». Каковы те необходимые и достаточные условия, выполнение которых позволяет утверждать, что субъект X действительно *знает*, что имеет место некоторый факт, скажем A?

В аналитической философии широкое распространение получило так называемое «традиционное определение знания», в соответствии с которым знание есть *обоснованное истинное убеждение*.¹¹ Согласно этому определению, X знает, что A, если и только если в совокупности выполняются следующие три условия:

- (1) X *считает*, что A;
- (2) A является *истинным*;
- (3) Убеждение X в том, что имеет место A, определенным образом *обосновано*.¹²

Примером такого подхода вполне может служить концепция пропозиционального знания, представленная в книге Рассела «Проблемы философии».¹³ Важно отметить (это подчеркивает также и Рассел), что знание недостаточно определять просто как истинное убеждение, так как наши убеждения могут оказаться истинными случайным образом, в силу всего лишь «эпистемического везения». Например, я могу считать — не имея на то никаких особых оснований, — что мой лучший друг в тот или иной момент времени находится дома (просто потому, что мне так кажется). Если я при этом случайно окажусь прав, и мой друг в указанный момент времени действительно будет находиться дома, то это вовсе не будет означать, что я в самом деле *знал* этот факт.

Рассмотрим другой пример, несколько модифицируя пример самого Рассела. Пусть г-н X ошибочно полагает, что роман «Два капитана» написал Катаев, а затем вполне закономерно делает отсюда вывод, что фамилия автора «Двух капитанов» начинается на букву «К». Это последнее убеждение г-на X является истинным, поскольку фамилия настоящего автора — «Каверин» — тоже начинается на букву «К». Тем не менее, это истинное убеждение вовсе не образует

¹¹ См. напр. *Chisholm R. M. Perceiving: A Philosophical Study*. Ithaca — New York: Cornell University Press, 1957. — P. 16; *Ayer A. J. The Problem of Knowledge*. London: Macmillan, 1956. — P. 34; *Moser P. K., Mulder D. H., Trout J. D. The Theory of Knowledge. A Thematic Introduction*. New York — Oxford: Oxford University Press, 1998. — P. 14–17.

¹² Данное определение по существу перекликается с платоновской дефиницией знания как «правильного мнения с объяснением». Сформулировав это определение, Платон подверг его критике, так как считал, что подлинное знание возможно только относительно «мира идей», что конечно же не является убедительным аргументом для тех, кто не признает существование такого рода мира. В любом случае, с точки зрения аналитической философии, платоновская трактовка знания является слишком узкой, ограничиваясь лишь своего рода «высшим знанием», не оставляя пространства для «обыденного знания» и по существу отрицая его возможность.

¹³ *Russell B. The Problems of Philosophy*. New York — Oxford, Oxford University Press, 1997. — P. 131–140.

знания, и вряд ли правомерным будет утверждать, что г-н Х в самом деле *знает*, что фамилия автора романа «Два капитана» начинается на букву «К». Действительно, если мы спросим г-на Х, *почему* он считает, что фамилия автора «Двух капитанов» начинается на букву «К», то в ответ, скорее всего, услышим следующее объяснение: поскольку автором романа «Два капитана» является Катаев, то, следовательно, фамилия автора этого романа начинается на букву «К». Для всякого, кому по крайней мере известно, что Катаев вовсе не писал «Двух капитанов», такого рода «объяснение», конечно же, не может служить доводом в пользу последнего утверждения г-на Х. Истинность этого убеждения обусловлена случайным совпадением и является результатом все того же эпистемического везения. Подлинное знание и простое эпистемическое везение несовместимы.

Таким образом, для того чтобы наше убеждение, даже будучи истинным, могло претендовать на статус знания, мы должны располагать некоторым *обоснованием* истинности этого убеждения. А значит важнейшей проблемой теории познания оказывается проблема выяснения и уточнения возможных критериев обоснованности убеждений. Что это значит для убеждения, быть обоснованным? В аналитической эпистемологии можно выделить два основных подхода к решению этой проблемы, которые обычно обозначаются как «интернализм» и «экстернализм».¹⁴ *Интернализм* требует, чтобы обоснование того или иного убеждения оставалось исключительно «внутренним делом» познающего субъекта и не задействовало никаких «внешних факторов», ограничиваясь только ссылками на убеждения субъекта и его эпистемические состояния. Родерик Чизолм формулирует это требование следующим образом:

Если субъект S имеет внутреннее основание для убеждения в определенной вещи, то это может быть чем-то, что он может знать всего лишь посредством рассмотрения своего собственного состояния сознания.¹⁵

Согласно же *экстернализму*, при обосновании убеждений могут и должны использоваться не только внутренние состояния носителя убеждений, но и дополнительные внешние факторы.

В рамках интерналистской стратегии обоснования убеждений наибольшее распространение получило два рода концепций: теории *фундаменталистского* типа и теории *когерентистского* типа. Фундаменталистские теории¹⁶ исходят из положения, что наше знание (в целом) должно иметь то, что может быть названо «основаниями». В качестве такого рода оснований среди возможных убеждений обычно выделяют некоторый ограниченный класс «эпистемически базисных» положений («фундамент»), имеющих определенного рода «эпистемически привилегированный» статус. Предполагается, что базисные убеждения не нуждаются в дополнительном обосновании, они являются *самоочевидными*. Все остальные убеждения получают свое обоснование посредством той или иной процедуры сведения к базисным убеждениям. Фундаментализм был характерен для теоретико-познавательных концепций Нового времени (как эмпи-

¹⁴ См. напр. Pollock J. L. Contemporary Theories of Knowledge. Totowa: Rowman and Littlefield, 1986.

¹⁵ Chisholm R. Theory of Knowledge. 3rd ed., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1989. — P. 7.

¹⁶ См. напр. Carnap R. Der logische Aufbau der Welt. Hamburg: Meiner, 1998; Lewis C. I. An Analysis of Knowledge and Valuation. LaSalle: Open Court, 1946; Goodman N. The Structure of Appearance. Cambridge: Harvard University Press, 1951

ризма, так и рационализма), и именно на эту классическую традицию в теории познания опираются его современные версии в аналитической философии. Конкретные теории отличаются здесь по своей трактовке следующих двух основных вопросов. Во-первых, что представляют собой эпистемически базисные убеждения; что именно гарантирует их привилегированную роль и закрепляет за ними статус «основоположений» нашего знания? Во-вторых, какого рода процедуры обеспечивают переход от базисных убеждений к небазисным; в силу чего базисные положения и обосновывают все остальные убеждения?

Возвращаясь еще раз к теории знания Рассела, можно сделать вывод, что в части, относящейся к пропозициональному знанию, она представляет собой типичную теорию фундаменталистского типа. По степени обоснованности Рассел делит знание истин на *интуитивное* и *выводное*. Интуитивное знание является *самоочевидным*, что обеспечивает его непогрешимость. Согласно Расселу, истина является самоочевидной в первом и наиболее абсолютном смысле, если мы *знакомы с фактом*, который соответствует этой истине. Любое знание истины в конечном счете основывается на интуитивном знании. Рассел отмечает, что поскольку попытка предоставить всеобъемлющее доказательство для *любой* истины обречена на бесконечный регресс, то необходимо признать существование *самоочевидного знания*, постигаемого интуитивно. К такого рода знанию Рассел относит знание логических постулатов, некоторых этических принципов, а также непосредственных истин восприятия (таких как — «данное пятно является красным» или «это красное пятно имеет круглую форму»). Выводное же знание должно *логически следовать* из самоочевидных истин, что и служит его обоснованием.

В противоположность фундаментализму, теории когерентистского типа¹⁷ отрицают существование каких-либо эпистемически привилегированных базисных убеждений. Все убеждения имеют «равноправный» эпистемический статус и то или иное убеждение получает свое обоснование не через сведение к некоторому выделенному классу «основоположений», а посредством его сопоставления со *всем* множеством остальных убеждений. В этом случае обоснованность убеждения зависит от того, насколько оно «согласуется» с остальными убеждениями. Центральную роль здесь играет так называемое *отношение когерентности* или связности, которое и призвано обеспечить взаимную согласованность всей системы убеждений субъекта. Конкретные теории различаются в зависимости от той или иной трактовки самого этого отношения.

Экстерналистский подход к проблеме обоснованности наших убеждений опирается на точку зрения, в соответствии с которой невозможно достичь такого рода обоснования, не выходя за пределы самих убеждений или состояний сознания познающего субъекта. В частности, должны приниматься во внимание специфические характеристики самого когнитивного процесса, в ходе которого мы приходим к нашим убеждениям. Некоторые разновидности экстернализма подчеркивают, что этот процесс должен быть *надежным*. То есть, убеждения могут считаться обоснованными, если они получены в ходе надежного когнитивного процесса. Слабость такого подхода заключа-

¹⁷ См. напр. *Lehrer K. Knowledge*. Oxford: Oxford University Press, 1974; *Quine, W. V. and J. Ullian, The Web of Belief*. 2nd ed. New York: Random House, 1978.

ется в том, что надежность процесса приобретения убеждений часто зависит от случайных обстоятельств. Например, обычно данные наших органов чувств считаются вполне надежным источником познания. Однако известно, что в тех или иных конкретных обстоятельствах эти данные вполне могут вводить нас в заблуждение. Таким образом, ссылка на надежность когнитивного процесса превращает обоснованность наших убеждений в случайное обстоятельство. Более предпочтительным выглядит реализация экстерналистской стратегии через использование понятия *вероятности*. Здесь учитывается, что истинность наших убеждений часто имеет ту или иную степень вероятности. В свою очередь, оценка вероятности убеждений (например, их физической вероятности) как правило требует привлечения «объективных факторов», выходящих за пределы сознания познающего субъекта. Такого рода теория, которую иногда обозначают как «Байесовская эпистемология» (по имени английского математика Томаса Байеса (1702–1761), который занимался теорией вероятностей), получила широкое распространение в философии науки.

В общем виде условие обоснованности принимается подавляющим большинством теоретико-познавательных концепций аналитической философии. Если субъект обоснованно убежден в истинности высказывания *A*, то он должен располагать адекватными свидетельствами в пользу того, что *A* имеет место. Рассмотренные выше направления различаются прежде всего трактовкой того, что может быть принято в качестве такого рода адекватных свидетельств. Важно, однако, иметь в виду, что убеждение, даже будучи хорошо обоснованным, может, тем не менее, оказаться ложным (принцип фаллиблизма, или погрешимости). Так, например, геоцентрическая модель Птолемея располагала многочисленными свидетельствами в свою пользу (включая данные органов чувств), но все же была ложной. Поэтому было бы некорректно утверждать, что Птолемей и его последователи *знали*, что Солнце вращается вокруг Земли. Существенным условием знания остается «объективная» истинность соответствующего убеждения.

2.1. Проблема Гетье

Итак, традиционное определение знания выделяет в качестве его необходимых и достаточных условий (1) наличие соответствующего убеждения, (2) истинность этого убеждения и (3) его обоснованность. Эта точка зрения считалась общепринятой и практически не подвергалась сомнению вплоть до появления в 1963 году статьи Эдмунда Гетье под весьма примечательным названием «Является ли обоснованное истинное убеждение знанием?»¹⁸ Эта небольшая статья (всего 3 страницы!) оказала существенное влияние на ход развития аналитической теории познания в XX столетии. Можно даже утверждать, что она решающим образом изменила характер и содержание дискуссий по проблеме знания. Вот как описывает эту ситуацию Джон Поллок:

В период, непосредственно предшествовавший публикации поворотной статьи Гетье «Является ли обоснованное истинное убеждение знанием?», этот анализ <знания как

¹⁸ Gettier E. L. Is Justified True Belief Knowledge? // Analysis, 23, 1963. — P. 121–123.

обоснованного истинного убеждения> принимался фактически каждым исследователем в области эпистемологии. Затем Гётте опубликовал свою статью и в одночасье изменил направление развития эпистемологии.¹⁹

В статье, о которой идет речь, строятся два эффективных контрпримера для традиционного определения знания, убедительно показывающие, что условия (1) – (3) являются необходимыми, но отнюдь *не достаточными* условиями знания. Иными словами, Гётте демонстрирует, что возможны случаи, когда мы располагаем обоснованным истинным убеждением, которое, тем не менее, не образует знания.

Анализ Гётте опирается на следующие положения. Во-первых, обоснованное убеждение – каким бы надежным ни казалось его обоснование – в некоторых случаях вполне может оказаться ложным (см. выше пример с геоцентрической моделью Птолемея). Во-вторых, если убеждение *A* является обоснованным и из *A* логически следует убеждение *B*, то *B* также должно считаться обоснованным. Общая схема контрпримеров, которые приводит Гётте, такова. Предположим, некто, например *X* обоснованно убежден в том, что имеет место *A*, но при этом *A* все же является ложным (хотя *X* уверен в обратном). Представим себе, что *X* логически корректным образом выводит из своего убеждения *A* новое убеждение *B*. Ясно, что *X* будет убежден в том, что имеет место *B* и при этом обоснованность этого нового убеждения будет ничуть не ниже, чем обоснованность убеждения *A* (что обеспечивается процедурой логического вывода). Теперь предположим, что высказывание *B*, в силу некоторого случайного стечения обстоятельств, оказывается истинным. Тогда имеем: *X* обоснованно убежден, что *B* и *B* является истинным. То есть, выполняются все три условия традиционного определения знания. Тем не менее оказывается, что в этом случае мы далеко не всегда можем утверждать, что *X* знает, что *B*!

Сконструируем конкретный контрпример, следуя принципиальной схеме, предложенной Гётте. Для этого вернемся к уже рассмотренному выше случаю с авторством романа „Два капитана“. Предположим, г-н *X* никогда не читал этот роман и более того – никогда о нем не слышал. Однажды *X* идет в книжный магазин, видит там последнее издание романа „Два капитана“ и покупает его. Книга вышла в очень солидном государственном издательстве, имеющем многолетнюю историю и в высшей степени надежную репутацию, что касается качества полиграфии, редактирования, корректуры и т. п. Раньше *X* довольно часто покупал книги этого издательства и он полностью уверен в профессионализме его работников. Однако предположим, что из-за ужасной ошибки и грубого недосмотра, на обложке и во всех выходных данных экземпляра романа, купленного г-ном *X*, в качестве его автора обозначен В. Катаев. (Ошибка была в скорости замечена и все бракованные экземпляры были изъяты из продажи, но *X* об этом не знает!) Таким образом, г-н *X*, конечно же, будет убежден в следующем:

(а) Автором романа «Два капитана» является Катаев.

Это его убеждение будет вполне обоснованным (хотя и ложным!). В самом деле, трудно себе представить более надежные свидетельства в пользу данного

¹⁹ Pollock J. L. Contemporary Theories of Knowledge. Totowa: Rowman and Littlefield, 1986. – P. 180.

убеждения, чем те, которыми располагает г-н Х. Пусть теперь г-н Х логически корректно выводит из убеждения (а) новое убеждение:

(б) Фамилия автора романа «Два капитана» начинается на букву «К».

Ясно, что убеждение (б) ничуть не менее обосновано, чем убеждение (а). Более того, высказывание (б) оказывается, к тому же, истинным! Итак: г-н Х имеет *обоснованное истинное убеждение* в том, что фамилия автора романа «Два капитана» начинается на букву «К», однако все равно мы не можем утверждать, что Х *знает*, что фамилия автора романа «Два капитана» начинается на букву «К». Истинность убеждения (б) есть результат случайного совпадения начальных букв двух фамилий, поэтому (б) не образует знания.

Выше, когда рассматривался вопрос, почему недостаточно определять знание просто как истинное убеждение, обращалось внимание на недопустимость принятия в качестве знания положения, которое оказывается истинным благодаря простому эпистемическому везению. Предполагалось, что именно условие обоснованности позволит исключить такого рода нежелательные ситуации. Однако, как показывают контрпримеры Гетье, это условие само по себе далеко не всегда блокирует разрушительное для знания действие фактора эпистемического везения.

Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой, которая и получила название *проблемы Гетье*: как следует модифицировать традиционное определение знания, чтобы избежать трудностей, связанных с контрпримерами в стиле Гетье? И если традиционное определение знания как обоснованного истинного убеждения является недостаточным, то какого рода определение может и должно быть предложено вместо него? Проблема Гетье вызвала оживленную дискуссию, которая не завершена до сих пор. Было выдвинуто множество разнообразных предложений, направленных на преодоление этой проблемы, но пока нельзя сказать, что проблема получила окончательное решение. Тем не менее, большинство исследователей сходятся на том, что поскольку стандартные условия (1)–(3) оказываются недостаточными, то традиционное определение знания должно быть расширено за счет дополнительного, четвертого условия, которое предотвратило бы проблемы, связанные с контрпримерами Гетье. Но что это должно быть за условие?

Рассмотрим кратко некоторые из таких возможных дополнительных условий.

(4) Убеждение в том, что имеет место А, не должно быть выведено ни из какого ложного утверждения (то есть, знание не может быть основано на ложном убеждении).²⁰

Это условие является, так сказать, «непосредственной реакцией» на контрпримеры Гетье и его принятие действительно блокирует их. Однако, оказывается, что могут быть сконструированы другие контрпримеры, в которых вообще не задействуются никакие процедуры вывода. Пусть, например, Х видит мяч, который кажется ему красным и на этом основании Х считает,

²⁰ См. Clark M. Knowledge and grounds: A comment on Mr. Gettier's paper // *Analysis*, 24, 1963. — P. 46–48

что мяч является красным. Пусть этот мяч действительно красный, то есть убеждение X является истинным и вполне обоснованным. Но предположим, что незаметно для X мяч особым образом освещен, так что, даже если бы он не был красного цвета, он все равно казался бы красным. В этом случае, нельзя утверждать, что X знает, что мяч красный, несмотря на то, что он имеет об этом обоснованное истинное убеждение, которое к тому же не выведено ни из какого ложного утверждения.²¹ Более того, данное убеждение получено не путем какого-то логического вывода, а в результате непосредственно эмпирического наблюдения. Тем не менее, оно оказывается истинным только по счастливой случайности — здесь мы опять сталкиваемся с эпистемическим везением и условие (4) не предотвращает его.

(4') Убеждение A должно быть каузально детерминировано тем фактом, который делает A истинным.²²

Принятие этого условия характерно для каузальной теории познания. В соответствии с этой теорией, например, я знаю, что на столе лежит книга, если книга действительно лежит на столе и этот факт причинным образом (путем воздействия на мои органы зрения) обуславливает соответствующее мое убеждение. В целом эта теория представляется слишком узкой. Сомнительно, чтобы все наше знание в самом деле каузально вызывалось конкретными фактами. Не вполне ясно также, как средствами одного лишь каузального объяснения может быть обосновано знание общих высказываний и, тем более, априорное знание.

(4'') Субъект X имеет убедительные доводы в пользу A , такие что если бы A не имело места, то X не располагал этими убедительными доводами.²³

Это условие, опять же, хотя и предотвращает контрпримеры самого Гётге, все же не срабатывает в других случаях, например в случае с освещенным красным мячом, рассмотренным выше. Тот факт, что X видит красный цвет мяча, является конечно же убедительным доводом в пользу убеждения, что мяч красный. Однако в данном примере, даже если бы мяч был не красный, X все равно бы видел красный цвет (в силу особой освещенности мяча).

(4''') Не существует никакого истинного высказывания B , такого что если бы оно было добавлено к множеству убеждений субъекта X , то его убеждение в том, что имеет место A перестало бы быть обоснованным.²⁴

Однако и для этого условия были построены опровергающие его контрпримеры.²⁵

Подводя итоги, можно сделать вывод, что никакая современная концепция знания не может игнорировать проблему Гётге, которая служит своеобраз-

²¹ Пример из Pollock J.L. Contemporary Theories of Knowledge. Totowa: Rowman and Littlefield, 1986. — P. 181.

²² См. Goldman A. A causal theory of knowing // Journal of Philosophy, 64, 1967. — P. 357–372.

²³ См. Dretske F. Knowledge and the Flow of Information. Cambridge: MIT Press, 1981.

²⁴ Klein P. A proposed definition of propositional knowing // Journal of Philosophy, 68, 1971. — P. 471–482.

²⁵ См. Lehrer K. and T. Paxson. Knowledge: undefeated justified true belief // Journal of Philosophy, 11, 1969. — P. 228

разной «лакмусовой бумажкой» адекватности и объясняющей силы любой концепции такого рода.

Многие современные эпистемологи считают, что проблема Гётге является эпистемологически важной. Целая ветвь эпистемологии занята поисками точного понимания природы – к примеру, существенных компонентов – пропозиционального знания. Точное понимание пропозиционального знания предполагает анализ такого рода знания с точки зрения проблемы Гётге. Таким образом, эпистемологам необходимо надежное решение проблемы Гётге, каким бы сложным это решение ни оказалось.²⁶

3. Реализм и антиреализм: теоретико-познавательный аспект

Спор о реальности или нереальности «внешнего мира» вообще и объектов познания в частности, известный как спор между представителями *реализма* и его противниками и имеющий очень солидную философскую традицию, занимает также видное место в современной аналитической философии и эпистемологии. Следует отметить, что на ранней стадии развития аналитической философии, прежде всего во взглядах раннего Витгенштейна и представителей Венского кружка (Карнап), довольно распространенной была позиция, объявлявшая такого рода спор и его исходный вопрос просто бессмысленным, беспредметным и разделяющим в этом отношении судьбу остальных «метафизических псевдovoпросов»²⁷. Однако примерно в то же самое время Мур и другие представители британского крыла аналитической философии восприняли этот вопрос вполне серьезно, посвятив немало усилий «опровержению идеализма» и отстаиванию «здорового смысла».

Говоря максимально обобщенно, любая версия реализма утверждает «объективное» существование определенного рода сущностей, и в зависимости от характера этих сущностей можно вести речь об онтологическом (метафизическом), теоретико-познавательном, научном, математическом, этическом и т. п. реализме. При этом, в основе любой разновидности реализма лежит онтологический реализм, предполагающий принятие двух следующих *онтологических тезисов*:

- (1) Имеется непустая область объектов, называемая «внешним миром», элементы которой «реально» *существуют*.
- (2) Эти объекты существуют, обладают различными свойствами и находятся в различных отношениях друг к другу *независимо* от чьих-либо ощущений, суждений, убеждений, мыслей, языковой практики, концептуальных схем и т. п.

Итак, всякий реализм имеет как минимум два аспекта:

Во-первых, это утверждение о *существовании*. Столы, камни, луна и так далее, существуют, точно так же как и следующие факты: бытие стола в качестве квадратного, бытие камня как состоящего из гранита, бытие луны в качестве шарообразной и желтой. Второй аспект реализма... касается *независимости*. Тот факт, что луна существует и явля-

²⁶ Moser P. K., Mulder D. H., Trout J. D. The Theory of Knowledge. A Thematic Introduction. New York – Oxford: Oxford University Press, 1998. – P. 98.

²⁷ См., напр. Carnap R. Scheinprobleme in der Philosophie. Das Fremdpsychische und der Realismusstreit. Berlin, 1928.

ется шарообразной, не зависит ни от чьих слов или мыслей, когда-либо высказанных или подуманных по этому поводу.²⁸

Как уже было сказано, существует множество разновидностей реализма. Так, если утверждается независимое от сознания существование таких абстрактных объектов как множества, числа, общие понятия, то тогда мы имеем дело с *понятийным реализмом* или *платонизмом*; если речь идет о том, что основные научные понятия представляют действительно существующие объекты и процессы, то имеет место *научный реализм*; если же принимается объективное существование моральных норм и ценностей, то налицо — *этический реализм*. «*Наивный*» реализм рассматривает, в качестве реально существующих, совокупность обычных «макроскопических» предметов окружающего нас мира. *Теоретико-познавательный реализм* добавляет к вышеупомянутым онтологическим тезисам еще один, так называемый *эпистемологический тезис*:

- (3) Реально существующие и образующие «внешний мир» объекты могут быть предметом человеческого опыта и познания.

Можно отметить, что хотя эпистемологический тезис и предполагает принятие обоих онтологических тезисов, вполне возможно принять тезисы (1) и (2) без того, чтобы разделять тезис (3). Примером здесь может служить трансцендентальный идеализм Канта, с его признанием объективного существования «вещи в себе», которая, тем не менее, не может быть дана нам в качестве предмета познания.

Вообще, позиция, противоположная реализму, может быть сформулирована по-разному, в зависимости от того, отрицается у тех или иных сущностей «модус существования» или же «модус независимости от сознания». Так, например, номинализм, инструментализм и ряд других аналогичных течений, отвергают первый онтологический тезис. Позиция же, отвергающая второй онтологический тезис, обычно называется *идеализмом*, классическим представителем которого был Беркли, утверждавший, что все без исключения предметы имеют ментальную природу и являются идеями нашего сознания. В современной философии идеализм берклианского толка давно уже вышел из моды, и в аналитической философии отрицание тезиса (2) обычно принимает форму *семантического антиреализма*, который был выдвинут и особенно интенсивно разрабатывался в работах Майкла Даммита²⁹.

Но прежде чем перейти к более подробному рассмотрению концепции Даммита, остановимся на некоторых общих моментах, характерных для спора между реалистами и их оппонентами. Прежде всего важно отметить, что в чистом виде как реализм, так и его противоположность встречаются довольно редко. Как правило, эти позиции проявляются в виде определенной тенденции. Кроме того, многие философы являются реалистами относительно одних сущностей и антиреалистами — относительно других.

²⁸ Miller A. «Realism», The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2002 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL = <<http://plato.stanford.edu/archives/win2002/entries/realism/>>.

²⁹ См. напр. Dummett M. Truth and Other Enigmas. London, Duckworth, 1978; *Его же*: The Logical Basis of Metaphysics. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991; *Его же*: The Seas of Language. Oxford University Press, 1993.

Например, Рассел занимает довольно отчетливую позицию метафизического реализма и платонизма, когда в «Проблемах философии» утверждает существование особого «мира универсалий». В то же время, в его теории познания явно проявляются идеалистические элементы, когда он требует сводимости всякого знания к знанию по знакомству, а последнее основывает на знакомстве с нашими чувственными данными. Далее, несмотря на то, что на первый взгляд кажется, что реализм выражает точку зрения здравого смысла, критическое рассмотрение позволяет выявить в нем ряд слабых мест, на которые и обращают внимание его противники. Прежде всего, это проблемы эпистемологического характера. В самом деле, если мир совершенно не зависит от нашего сознания, то как вообще возможно адекватное *знание* об этом мире? Аналогичная проблема может быть поставлена касательно взаимоотношения языка и мира: если предполагается, что выражения языка призваны обозначать (представлять, описывать) явления, предметы, факты и т. п. внешнего мира, то каким образом обеспечивается и как вообще возможна такого рода репрезентативная связь между ними? Здесь мы сталкиваемся с *проблемой репрезентации*. Поэтому реализм часто обвиняют в том, что он, по крайней мере в тенденции, ведет к *скептицизму*, так как реалистическая позиция неизбежно означает разрыв между сознанием и миром.

Сравнительно недавно спор между реализмом и антиреализмом вновь вышел на передний план, благодаря работам Даммита, в которых он попытался перевести дискуссию из области метафизики в область семантики и философии языка. Такого рода «переключение» является типичным для аналитической философии. Не в последнюю очередь это достигается за счет переформулировки самой исходной проблемы в семантических терминах. Даммит начинает с того, что определяет (и, по существу, вводит) понятие *семантического реализма* и дает характеристику его основных принципов. Затем он подвергает эти принципы критике и противопоставляет этой позиции свою концепцию семантического антиреализма. В целом, в семантической интерпретации Даммита, основное расхождение между реализмом и антиреализмом лучше всего может быть охарактеризовано не как спор о существовании или несуществовании тех или иных сущностей, а как спор об определенных семантических свойствах определенного класса высказываний. Даммит пишет:

Я характеризую реализм как положение, в соответствии с которым утверждения, входящие в обсуждаемый класс, обладают объективным истинностным значением, независимо от наших средств его познания: они являются истинными или ложными в силу реальности, существующей независимо от нас. Антиреализм противопоставляет этому точку зрения, что утверждения обсуждаемого класса могут быть поняты только через отсылку к такого рода вещам, которые мы рассматриваем в качестве основания для утверждений этого класса.³⁰

Итак, в результате «семантического переосмысления», проблема реализма смещается в плоскость прояснения *условий истинности* того или иного предложения (или класса предложений). При этом как реалисты, так и антиреалисты практически не расходятся в трактовке эффективно проверяемых высказыва-

³⁰ Dummett M. Realism // Truth and Other Enigmas, London, Duckworth, 1978. P. 146

ний. Проблема возникает только тогда, когда речь заходит о предложениях, условия истинности которых невозможно установить в принципе. Например, в случае неразрешимых предложений математики, или утверждений, проверка истинности которых потребовала бы задействовать процедуры, заведомо превосходящие все мыслимые человеческие способности. Типичным примером такого рода утверждений являются некоторые высказывания о далеком прошлом, вроде следующего: «Миллион лет тому назад данный участок земли был покрыт льдом». Про такие высказывания говорят, что они имеют «реалистские условия истинности», то есть условия истинности, которые принципиально «выходят за пределы всякого возможного распознавания» (или обоснования). Но даже относительно таких предложений реалист, в отличие от антиреалиста, утверждает, что они обладают определенным истинностным значением, пусть мы никогда и не узнаем, каким именно.

Таким образом, семантический реализм принимает принцип бивалентности, утверждая, что любое высказывание «объективно» является истинным либо ложным, независимо от того, располагаем ли мы возможностью однозначно установить истинностное значение этого высказывания. Впрочем, принятие принципа бивалентности не столько характеризует реалистическую позицию по существу, сколько является наиболее показательным индикатором этой позиции. Если же попытаться дать более полную содержательную характеристику семантического реализма, то следует отметить, что он опирается на такие принципы: (1) только что упомянутый *принцип бивалентности*; (2) *принцип трансцендентности*, в соответствии с которым любое высказывание обязательно обладает истинностным значением, даже если возможность его установления принципиально выходит за пределы человеческих способностей (т. е. допускаются такие условия истинности, которые даже потенциально не могут быть обоснованы); (3) *принцип понимания*, в соответствии с которым понять высказывание — значит указать условия его истинности (даже если эти условия никогда не могут быть установлены); (4) *принцип независимости*, в соответствии с которым факты имеют место независимо от описывающих их высказываний; (5) *принцип корреспонденции*, утверждающий, что высказывание является истинным, если оно соответствует некоторому факту.

Семантический антиреализм отбрасывает все эти принципы. Даммит выдвигает два основных довода против семантического реализма, так называемые «довод приобретения» и «довод проявления». Первый из этих доводов ставит под сомнение саму возможность *овладения* языком (или приобретения языковых знаний), при допущении реалистских условий истинности. В самом деле, мы обучаемся языку (учимся понимать предложения того или иного, в том числе и нашего собственного, языка) посредством научения принимать эти предложения в качестве истинных в определенных ситуациях, и отвергать их как ложные в других ситуациях. А это предполагает способность распознавать, в каких случаях то или иное положение дел имеет место, а в каких случаях — нет. Но если предложение обладает реалистскими условиями истинности, то по самой своей природе наличие соответствующего положения дел никогда не может быть обосновано (или распознано). Следовательно, если бы принципы семантического реализма были приняты, мы никогда не смогли бы понять такого рода предложений, а значит, никогда не смогли бы овладеть

даже собственным языком. Другой довод против семантического реализма обращает внимание на то, что наше понимание предложений языка должно *проявляться* в определенных практических действиях, связанных, в частности, с использованием языка. Если речь идет об эффективно проверяемых предложениях, то их понимание проявляется в практической способности отличать те ситуации, в которых они являются истинными, от ситуаций, в которых они являются ложными и в соответствующих действиях. Но при помощи какого рода практических способностей можем мы проявить (продемонстрировать) наше понимание предложений, обладающих реалистскими условиями истинности, то есть условиями истинности, которые принципиально не могут быть установлены на практике? Даммит утверждает, что таких практических способностей просто не существует.

Итак, мы имеем здесь два типа возражений, которые ставят под сомнение возможность решения реализмом репрезентационной проблемы. «Довод приобретения» утверждает, что если пытаться реконструировать взаимоотношение между сознанием и *независимым от сознания* миром на основе реалистских принципов (1) и (2), то невозможно объяснить, каким образом мы приобретаем знание того или иного языка. В соответствии же с «доводом проявления», когнитивное и языковое поведение субъекта не предоставляет никаких свидетельств в пользу того, что такого рода взаимосвязь вообще существует.

Один из возможных «реалистских ответов» на первое возражение заключается в том, что для понимания предложений, в том числе обладающих реалистскими условиями истинности, вовсе не обязательно всегда уметь точно распознавать ситуации, при которых они являются истинными. Для этого — в соответствии с *принципом композициональности* — вполне достаточно понимать значения его конститuent и способ связи этих конститuent друг с другом. Именно таким образом мы и научаемся понимать подавляющее большинство предложений нашего языка, а вовсе не через эффективное распознавание условий их истинности. В ответ на второе возражение, защитники реализма часто ссылаются на обычную рассужденческую практику, в ходе которой мы убедительно демонстрируем наше понимание даже неразрешимых высказываний тем, что успешно применяем к ним принципы классической логики и осуществляем на их основе разнообразные логические выводы. Другой возможный ответ на это возражение заключается в том, что наряду с непосредственным указанием условий истинности предложений, допускаются и иные способы проявления нашего понимания.

В случае разрешимых предложений носитель языка может проявить понимание условий истинности непосредственным образом, через осуществление подходящей процедуры, ведущей к распознаванию этого утверждения как истинного или ложного. Когда утверждение не является эффективно разрешимым, ... носитель языка очевидно не может проявить понимание его условий истинности путем определения его истинностного значения. Однако напрашивается мысль, что он, тем не менее, может продемонстрировать свое понимание и иным способом.³¹

³¹ Hale B. Realism and its oppositions // B. Hale & C. Wright (eds) A Companion in the Philosophy of Language (Oxford: Blackwell), 1997. — P. 278

По существу, концепция семантического антиреализма тесно связана с *верификационизмом*. Высказывание объявляется осмысленным, если имеет эффективный метод распознавания тех условий, при которых оно является истинным или ложным, то есть, если высказывание оказывается верифицируемым. Причем верифицируемость здесь следует понимать в достаточно широком смысле: в случае физических утверждений речь может идти об экспериментальной проверяемости, в случае математических утверждений — о доказуемости и т. д. Другой важной особенностью концепции Дамита является настороженное отношение к классической логике (поскольку в ней принимается принцип бивалентности) и стремление заменить ее интуиционистской логикой с ее конструктивным понятием истины и отрицанием закона исключенного третьего.

4. Парадокс познаваемости и кризис антиреализма

Довольно чувствительный удар по антиреализму в целом и по его верификационистской разновидности в частности был нанесен с открытием так называемого «парадокса познаваемости», обычно приписываемого Ф. Фитчу. В литературе часто встречается обозначение этого парадокса именно как «парадокс Фитча». Действительно, Фитч был первым, кто (в 1963 году) опубликовал парадокс познаваемости³², хотя при этом он отметил, что обязан данным открытием анонимному рецензенту его статьи, представленной в 1945 году для публикации в *Journal of Symbolic Logic*.³³ Впрочем, еще больше десяти лет после своего опубликования, парадокс, о котором идет речь, оставался практически незамеченным. Лишь после того как в 1979 году этот парадокс был фактически перестроен Хартом³⁴, охарактеризовавшим его как «несправедливо игнорируемую логическую жемчужину», он стал предметом углубленного анализа в работах многих исследователей, работающих в области логики и эпистемологии.

Парадокс познаваемости примечателен прежде всего тем, что он дает один из самых ярких примеров необычайной плодотворности применения логического анализа для исследования философских проблем, в частности, проблем эпистемологии. В этом плане он является парадигматическим для аналитической философии. По существу, здесь *чисто логическими средствами* демонстрируется, что классический тезис о познаваемости мира (тезис теоретико-познавательного оптимизма) влечет за собой абсурдные следствия и является самопротиворечивым. А значит, данный тезис должен быть отброшен, или же, по крайней мере, пересмотрен с целью его существенной корректировки.

³² *Fitch F. B. A logical analysis of some value concepts // Journal of Symbolic Logic, 1963, v. 28. — P. 135–142.*

³³ Сама эта статья Фитча не была тогда принята к публикации, в том числе, по той причине, что отрицательная рецензия содержала указание на имеющееся в тексте статьи противоречие. К сожалению, поскольку процедура рецензирования в западных научных журналах, как правило, анонимна, имя подлинного открывателя парадокса познаваемости так и осталось неизвестным. Возможно, данные об авторе негативной рецензии на статью Фитча можно найти в архиве *Journal of Symbolic Logic*.

³⁴ См. *Hart W. D. The epistemology of abstract objects: Access and inference // Proc. Aristotelian Soc. 53, 1979. — P. 155.*

Интересно отметить, что теоретико-познавательный оптимизм является одним из ключевых принципов концепции семантического антиреализма Даммита. Согласно принимаемой им верификационистской теории истины, предложение может иметь истинностное значение в том и только том случае, когда оно является верифицируемым, или эффективно проверяемым. Значит, если высказывание является истинным, то возможен эффективный метод проверки его истинности. Очевидно, что при таком понимании *любая истина является познаваемой*, иными словами, любое истинное высказывание *в принципе* может быть познано. Здесь тезис познаваемости формулируется без дополнительной отсылки к какой-либо «внешней реальности», то есть, с использованием одних лишь лингвистических и семантических понятий, и прежде всего, понятия истины.

Однако учитывая, что каждое истинное утверждение с необходимостью репрезентирует некоторый *факт*, а именно, тот факт, который *делает его истинным*, антиреалистский тезис познаваемости естественным образом может быть переформулирован и в терминах возможности познания *фактов*. Важно иметь в виду, что, с точки зрения антиреализма, факты не есть нечто объективное и независящее от нашей языковой и познавательной практики. Вести речь о существовании того или иного факта можно только в том случае, если имеется эффективный метод проверки, позволяющий установить это существование. Как следствие, антиреализм верификационистского толка отрицает существование непознаваемых фактов; любой факт, если он действительно имеет место, *может быть познан*.

В данном утверждении речь идет о *возможности познания фактов*. С логической точки зрения, это означает, что здесь задействуется комбинация *оператора возможности* — « \diamond », и *оператора знания* — « K ». Пусть высказывание A представляет некоторый факт. Тогда « $\diamond A$ » означает «возможно, что A », а « KA » означает «известно, что A »; выражение же «факт A может быть познан» («возможно познать A ») запишется как « $\diamond KA$ ». В целом же тезис «Если факт A имеет место, то он в принципе может быть познан» в символической записи примет следующий вид:

$$A \rightarrow \diamond KA. \quad (\text{Принцип познаваемости})$$

Парадокс, однако, заключается в том, что этот принцип, в совокупности с некоторыми другими, довольно очевидными условиями, принимаемыми для оператора знания, влечет за собой абсурдные следствия. Покажем, как это происходит. Прежде всего, будем иметь в виду, что для оператора знания должны выполняться следующие фундаментальные условия (постулаты):

$$KA \rightarrow A. \quad (I)$$

$$K(A \wedge B) \rightarrow (KA \wedge KB). \quad (II)$$

Первое условие по существу утверждает, что знание факта обязательно влечет за собой его актуальное наличие: *Если какой-либо факт известен, то этот факт действительно имеет место*. В самом деле, если мы действительно знаем, что какой-либо факт существует, то невозможно себе представить, что его нет, в противном случае наше «знание» оказалось бы вовсе не знанием, а *заблуж-*

дением. Символ « \wedge » из условия (II) обозначает логическую связку конъюнкции («и»), а само это условие представляет распределенность знания относительно конъюнкции: *Если мы знаем сложный (конъюнктивный) факт «A и B», то мы знаем как A, так и B по отдельности.* Это утверждение также вполне очевидно и вряд ли нуждается в каком-то дополнительном обосновании.

Теперь *предположим*, что имеет место какой-то конкретный факт (обозначим его p), который в настоящий момент еще *неизвестен*. То есть:

$$p \wedge \sim Kp.^{35}$$

Применив к этому предположению принцип познаваемости, получим:

$$\diamond K(p \wedge \sim Kp).$$

Принцип распределенности оператора знания относительно конъюнкции (условие II) позволяет вывести отсюда:

$$\diamond (Kp \wedge K\sim Kp).$$

Наконец, применяя ко второй части этого выражения ($K\sim Kp$) условие I о том, что знание факта влечет его наличие ($K\sim Kp \rightarrow \sim Kp$), выводим отсюда следующее утверждение:

$$\diamond (Kp \wedge \sim Kp).$$

Содержательно данное утверждение читается как «возможно, что факт p известен и *не* известен одновременно» — очевидное противоречие! Это означает, что наше исходное предположение было неверным, а верно его отрицание:

$$\sim(p \wedge \sim Kp).$$

Однако в рамках классической логики это эквивалентно следующему утверждению:

$$p \rightarrow Kp.$$

Иными словами: *Если факт имеет место, то он уже сейчас (актуально) является известным*, то есть, любой имеющий место факт в настоящее время оказывается известным!

Абсурдность данного утверждения бросается в глаза. Однако, как показал несложный логический анализ, это абсурдное утверждение является неизбежным следствием тезиса о познаваемости мира. В этом и состоит парадокс познаваемости — из того, что мир (потенциально) *познаваем*, логически следует, что мир (актуально) *познан*.

Каким же образом следует реагировать на эту ситуацию? В ходе анализа парадокса познаваемости различными исследователями было предложено несколько возможных вариантов такой реакции. Прежде всего представляют интерес попытки спасти принцип познаваемости (пусть даже в несколько усеченном виде) путем выработки той или иной стратегии решения возник-

³⁵ Символ « \sim » обозначает операцию отрицания, то есть частицу «не...» или словосочетание «неверно, что...».

шего парадокса. В целом, эти попытки можно разделить на две большие группы: (1) пересмотр тех или иных логических принципов, которые задействуются в процессе вывода парадокса; (2) принятие тех или иных ограничений для самого принципа познаваемости.

В соответствии со стратегией первого типа, причину получения парадоксального следствия следует искать в самом процессе его логического вывода. В этом случае парадокс может быть блокирован, если модифицировать те или иные логические принципы, применяемые в процессе вывода. Одно из предложений состоит в том, что нужно отказаться от применения в эпистемических контекстах классической логики. В частности, поскольку в интуиционистской логике невозможен переход от $\sim(p \wedge \sim Kp)$ к $p \rightarrow Kp$, то вместо классической следует использовать интуиционистскую логику. Тем более, что в интуиционистской логике истинность высказывания, будучи конструктивным понятием, часто интерпретируется в смысле его верифицируемости (возможности построения определенной конструкции, обосновывающей высказывание). Таким образом, вывод нежелательного утверждения предотвращается на предпоследнем шаге. Однако, по мнению многих исследователей, замена классической логики на интуиционистскую все же не спасает принцип познаваемости. Во-первых, даже в рамках интуиционистской логики, из этого принципа остается выводимым утверждение $\sim(p \wedge \sim Kp)$, смысл которого заключается в том, что не существует неизвестных фактов. Это уже само по себе достаточно парадоксально. Кроме того, хотя в интуиционистской логике из этого утверждения и не следует высказывание вида $p \rightarrow Kp$, но вполне следует его контрапозиция: $\sim Kp \rightarrow \sim p$. То есть, если факт неизвестен, то его не существует. Это последнее утверждение также выглядит довольно-таки нелепо. Почему из того, в общем-то случайного, обстоятельства, что в настоящее время тот или иной факт никому не известен, должно следовать, что этого факта вообще не существует? Ведь то, что неизвестно сегодня, вполне может стать известным завтра. Поэтому, можно сделать вывод, что для преодоления парадокса познаваемости замена классической логики на интуиционистскую оказывается неэффективной. Имеются также предложения использовать вместо классической не интуиционистскую, а какую-нибудь другую логику, например паранепротиворечивую, или логику конструктивной ложности Нельсона. Эти предложения, однако, страдают тем недостатком, что они во многом делаются *ad hoc*, то есть, единственным доводом в пользу использования той или иной логической системы является просто тот факт, что в ней вывод парадоксального утверждения обрывается на том или ином шаге. Однако вряд ли само по себе это может служить достаточным доводом для отказа от классической логики. Так что в целом стратегия преодоления парадокса познаваемости путем простого ограничения используемых логических средств нуждается в дополнительном обосновании и сомнительно, что это обоснование вообще может быть дано.

Другая стратегия элиминации парадокса познаваемости состоит в том, чтобы каким-то образом ограничить (модифицировать) сам принцип познаваемости, так чтобы вывод парадоксального следствия из такого модифицированного принципа стал невозможен. В качестве примера, можно привести интересное предложение Н. Теннанта ограничить принцип познаваемости так, чтобы он распространялся только на те высказывания, которые Теннант

называет «картезианскими»³⁶. Высказывание A называется картезианским, если и только если утверждение, что A известно (KA) непротиворечиво. Тогда модифицированный принцип познаваемости формулируется следующим образом:

$A \rightarrow \diamond KA$, где A является картезианским.

Парадокс познаваемости в этом случае вывести невозможно, поскольку подстановка высказывания $p \wedge \sim Kp$ вместо A оказывается теперь невозможной. В самом деле, как было показано выше, высказывание $K(p \wedge \sim Kp)$ является противоречивым, а значит утверждение $p \wedge \sim Kp$ не является картезианским. Основные возражения против модификации Теннанта, как и ограничительной стратегии вообще, разделяются на два класса: во-первых, опять же обращают внимание на то, что чаще всего *единственным* доводом в пользу этих ограничений оказывается то обстоятельство, что их принятие препятствует выводу парадоксального утверждения; во-вторых, в большинстве случаев можно показать, что хотя то абсурдное следствие, о котором речь шла выше, действительно оказывается невыводимым, но все же, даже при наличии тех или иных ограничений (например, «картезианского ограничения»), из принципа познаваемости вытекают другие, не менее абсурдные следствия. Мы не имеем здесь возможности подробно разбирать эти возражения. Отметим только, что «картезианское ограничение», предлагаемое Теннантом, в некотором смысле оказывается слишком сильным, поскольку оно превращает принцип познаваемости в своего рода тавтологию. Действительно, требование, чтобы высказывание A являлось картезианским, означает, что знание A не должно быть логически невозможным, то есть, если A является картезианским высказыванием, то *логически возможно* знать A . В этом случае, все о чем говорит нам модифицированный принцип познаваемости, сводится к следующему: «Если A таково, что его знание является логически возможным, то знание A возможно.» Ясно, что такого рода принцип не слишком информативен, в отличие от классического тезиса о познаваемости мира.

Подводя итоги обсуждению парадокса познаваемости, можно сделать вывод, что его открытие явилось одним из самых интересных и значительных достижений аналитической эпистемологии последних десятилетий. По существу, этот парадокс ставит под сомнение интерпретацию верификационизма в смысле *потенциальной способности* предложений быть проверяемыми. Если верификационизм и может быть сохранен, то лишь в его самом жестком варианте — как требование наличия актуальной верификации (а не потенциальной верифицируемости) для *каждого* осмысленного предложения. В любом случае, несмотря на все попытки спасти принцип познаваемости мира, пока нельзя сказать, что они были достаточно успешны. Допущение потенциальной познаваемости неизбежно приводит к абсурдному выводу об актуальном *всезнании* познающего субъекта. А значит, сам тезис о познаваемости является абсурдным и должен быть отброшен. Мир никогда не может быть познан до конца — существуют факты, которые неизвестны, не могут быть известны и всегда останутся таковыми.

³⁶ Tennant N. The Taming of the True. Oxford, 1997, Гл. 8.